

СУДЬБА КАК НОВЫЙ ЦИФРОВОЙ ПОРЯДОК

Е.А. Евстифеева, Г.В. Комаров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Евстифеева Е.А., Комаров Г.В., 2022

DOI: 10.46573/2409-1391-2022-1-10-14

***Аннотация.** В статье отмечается, что новый цифровой порядок, развитие которого ускорилось в пандемию коронавируса, актуализирует тему судьбы человека и человечества. Приводятся рациональные основания обеспокоенности масштабами цифровизации человеческого бытия. Ставится вопрос о преодолении цифровой жизнеориентации, о решении человека принять судьбу как новый цифровой порядок. Проблема выбора себя как нового цифрового порядка предстает как тема судьбы.*

***Ключевые слова:** антропологический кризис, новый цифровой порядок, пандемия, судьба.*

Новый цифровой порядок актуализирует тему судьбы человека и человечества, антропологического кризиса. Восхождение к антропологической катастрофе – реалья, которая развеивает иллюзии всемогущества *ratio*, «разумоцентричной» цивилизации и обращает к переосмыслению судьбы как человека, так и всего человечества в целом. Именно судьба, а не ее перерождение в современное понятие капитальных рисков служит объяснением того, как сегодня «дано» сущее, антропологическое бытие. Судьба – антропологический феномен, охватывающий человеческое, личностное и социальное бытие и касающийся фигур человека, личности, социума многообразными способами.

Бытие зависит от человека, личности и социума. Приоритетное выстраивание этих фигур указывает на масштабность занижения или сохранения этих бытийных вариантов человеческой жизни. С поправкой на концепции фатализма и волюнтаризма наличные модели человека, личности и социума, соотношения объективных и субъективных сил или факторов антропологической катастрофы, о которой высказывается ряд мыслителей, становится «кричащей» реальностью [4, 6].

Эпидемия коронавируса значительно ускорила вхождение в новый цифровой порядок, режим самоизоляции сделал человека более зависимым от цифрового мира. Подтверждением тому являются, например, удаленная работа, дистанционное образование, предоставление услуг в онлайн-режиме и т. д. Вследствие пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) произошло переформатирование современной жизни, новый мировой порядок выявил бессилие технократического проекта перезагрузки, построенной на тотальной цифровизации.

В основе антропологической катастрофы, личностного и социального бытия и в формате цифры лежит новый мировой порядок, суть которого: «... онтологически – заорганизованная квазисвободная (дисциплинарность!) ассоциация; социологически – “массово-атомарная” (оксюморон) квазисимбионтная (монадообразность!) ассоциация; политически – “элитарно-массовая” (оксюморон) квазидеятельная (безинициативность!) ассоциация; антропологически – безликая квазииндивидуальность (проинтегрированная по лояльности QR-кодом) ассоциация» [7, с. 245]. На уничтожении

индивидуальности и приватности, сборе биометрических данных, управлении поведением человека и всеми его материальными и финансовыми ресурсами создан «цифровой левиафан», который позиционируется как сетевая идентичность и цифровая личность. Сетевая идентичность – производная клипового сознания и цифрового принуждения [1]. Пространственно-территориальное измерение способствует сращиванию, отождествлению человека с некой виртуальной субъектностью, сетевой группой [5]. Виртуальная самопрезентация, сетевая самоидентификация порождены особой социализацией. Речь идет о цифровом человеке, «человеке подключенном и достроенном», который обитает во многих реальностях и взаимодействует с неживыми системами (чат-ботами, бытовыми роботами). Ключевые измерения цифровой социализации – гиперподключенность к интернету, смешанная реальность, расширенная личность и цифровая социальность [9].

Цифровое общество – новая ступень общества постмодерна, где производство цифры и виртуального продукта превосходит производство реального (с качественным конституированием) продукта. Есть рациональные основания для беспокойности масштабами цифровизации современного мира, а также бесконтрольности распространения цифровых технологий. Под новым цифровым порядком нами понимается такой способ ориентированного бытия, который заточен на тотальное цифровое технологическое принуждение, подделку реальности в цифровых форматах. Новый мировой цифровой порядок – знаковое явление наших дней. Его приняло и исповедует «прогрессивное» общество, которое живет в виртуальном мире. При новом цифровом порядке власть принадлежит информационным платформам и компаниям, контролирующим трафик. Человек, редуцировавшись до пользователя, подписавшись выполнять такой порядок, попадает под тотальный контроль этих компаний и принужден следовать всем правилам и запретам в социальных сетях. В цифровом мире реальная жизнь минимизируется, не ценится, не осмысливается, а виртуальная приравнивается к «состоянию жизни и смерти». При этом игнорируется то, что цифровизация, по сути, есть глобальный контроль со стороны транснациональных корпораций (мирового правительства и т. д.). Цифровые технологии умножают риски, перед которыми общество становится уязвимым (например, рост киберпреступности, которая порождает непреодолимые последствия).

Более опасной проблемой глобального уровня является так называемая большая перезагрузка, представленная К. Швабом и призванная построить новый социальный договор для формирования устойчивой мировой системы на период после коронавируса [12]. С целью достижения справедливости (справедливых рынков, условий), равноправия, устойчивого использования природных ресурсов предлагается изменить человеческую жизнь к лучшему путем перехода к цифре во всех аспектах жизни. Действительно, во время пандемии зависимость от цифровых услуг увеличилась экспоненциально (удаленный режим работы, электронное обучение, электронная медицина, электронная коммерция и т. д.). Однако из такой цифровой трансформации «вылезают уши» глобалистских проектов, имеющих подрывную, разрушительную сторону. Ее охарактеризовал еще А. Линкольн: «В недалеком будущем наступит перелом, который крайне беспокоит меня и заставляет трепетать за судьбу моей страны... Приход к власти корпораций неизбежно повлечет за собой эру продажности и разложения в высших органах страны, и капитал будет стремиться утвердить свое владычество, играя на самых темных инстинктах масс, пока все национальные богатства не сосредоточатся в руках немногих избранных, – а тогда конец республике» [10].

Речь идет о том, что четвертая техническая революция, будучи инструментарием глобалистов, заточенным на цифровизацию государств и обеспечивающим над всеми гражданами тотальный контроль, инициирует всемирный электронный концлагерь, значительное сокращение населения планеты, апокалиптическое будущее для человечества. Под предлогом, что ресурсопотребление достигло максимальной цифры, а земные запасы почти исчерпаны, количество населения должно быть сокращено. Однако понимаемая таким образом справедливость говорит лишь о массовом уничтожении человечества. Как говорил Конфуций: «Миром правят знаки и символы, а не слова и не законы».

Сегодня в свете наступления антропологической катастрофы стало актуальным выражение «в начале было слово, а в конце – цифра?». Одержимость цифровизацией намекает на некую новую религиозность, цифровое христианство, нового христианина. Так, специалисты по информационным технологиям даже внедрили понятие «цифровой евангелист». Речь идет о сращивании искусственного интеллекта с религиозными символами и технологиями, с такими христианскими догматами, как темы воскрешения, ада и рая, вечной жизни, Страшного суда, апокалипсиса. Трансгуманисты паразитируют на святых символах, вещают, что от искусственного интеллекта ничего нельзя будет скрыть, он действительно всемогущ (в отличие от Бога). Впоследствии искусственный интеллект будет задаваться вопросом о смысле жизни, сняв это непосильное бремя с человека. На основании мыслепреступления можно будет отправить человека на человеческий Страшный суд. Искусственный интеллект способен дать человеку свободу и счастье, но с поправкой: дать счастье – значит отучить думать, принимать решения вместо человека; дать свободу через чипирование – значит искоренить человеческий бунт и революции. Творцы «новой нормальности» и нового порядка считают, что зло существует сегодня и сейчас. При этом они вытесняют реверсивность, а именно бунт и смирение.

Является ли цифровая судьба человека единственным выбором человечества? Как сегодня, в нарождающемся новом цифровом порядке, понимать слова Сенеки: «Покорного судьба ведет, непокорного тащит»? Ответ на этот вопрос требует философской рефлексии. Ретроспективно выявленная сущностная особенность феномена судьбы заключается в ее раздвоенности. Приведем слова М. Эпштейна: «Судьба (fate). Высшая сила, которая действует на человека благодаря свободе его воли и вместе с тем вопреки ей. Человек потому и оказывается неволен над теми или иными обстоятельствами, что имеет свободу воли ... Традиционно считалось, что судьба предзадана человеку и ограничивает его свободу, но, по сути, свобода и судьба предпосланы друг другу. Человек – судьбообразующее существо именно потому, что он вырывается из порядка вещей, изрекает свое слово – и слышит в ответ предреченное ему. Человек – существо рекующее и потому рекомое, подлежащее року, т. е. приговору свыше. Субъектность в нем неотделима от объектности» [11, с. 328–329]. Следует перечислить и другие особенности феномена судьбы: она относится к непознанному, таинству мира, описывается категорией времени, а не пространства. Утверждение, что судьбу можно познать, некорректно. В судьбу верят или не верят, но не знают ее. Верят, потому что могут принимать нечто без достаточных оснований. Фатализм – вера в неотвратимость судьбы, в то, что все в этом мире заранее предопределено таинственной силой, роком. Вера в фатальность, рок исключает субъектный фактор, волю человека, которая подчинена некой высшей силе, обращенной как на внешние жизненные обстоятельства, так и на внутренние интенции и мотивы поведения и поступков.

Выделяется реверсивная концепция судьбы, в основе которой находятся представления «о двух обратимых состояниях воли, ее активном и пассивном залоге, подобно тому как саморефлексия есть субъектно-объектная обратимость сознания, а самореференция – речи. Воля может находиться в суперпозиции, т. е. одновременно в двух “когерентных” состояниях: свободы и судьбы, или в двух залогах: действительном и страдательном. Судьба – это страдательный залог свободы. Свобода – действительный залог судьбы» [11, с. 330]. Реверсивность «автор – мир» судьбы указывает на соперничество с судьбой, роком, провидением. Речь идет о стремлении человека понять, измерить, обрести грани падения и возвышения себя. Речь идет о драме воли (Прометей) или мысли (Фауст) в достижении праведного, заповедного.

В широком смысле судьба означает предопределенность жизни человека, указывает на некую силу, тотально влияющую на ход событий или линию поведения. В онтологическом измерении судьба приравнивается к факту онтологической данности, который анализируется гносеологически. В содержательном плане судьба мыслится как неизбежность, нечто фатальное, абсолютная детерминация. Отечественный философ-«системщик» В.Н. Сагатовский, разделяя точку зрения Николая Кузанского о невозможности дать определение или исчерпывающее понятие судьбе как «знания о незнании», предлагает такую версию этого феномена: «С позиции коррелятивной онтологии судьба по отношению к существу есть становящееся взаимодействие детерминистической обусловленности, неопределенности, случайности и воздействия иной субъективной реальности, представляющее собой событие, разрешающееся определенным результатом в точке бифуркации. Таким образом, судьба содержит в себе и предсказуемые, и непредсказуемые моменты» [8, с. 238]. В оценочном плане судьба различается как отрицательное (злое начало), уважительное, нейтральное (имеющее место быть), игнорирующее начало.

Русский философ нашего времени Ф.И. Гиренок выделяет два пути вхождения в цифровой, или числовой, порядок, принятия судьбы: китайский и западный [2]. Символом первого пути является Ухань, символом второго – Нью-Йорк. Первый представляет мобилизованное общество, второй – демобилизованное. Ф.И. Гиренок пишет: «В китайском варианте человек зависит от цифровой переделки общества. В западном варианте перехода к цифровым технологиям меньше всего уделяется внимания социальным преобразованиям» [3, с. 67]. В итоге новый цифровой миропорядок, как и всякий другой, ничего не оправдывает. Внешний мир, или внешняя среда, не создает человека, наоборот, человек создает внешний мир или среду. Творец оправдывает себя. Наделенный свободой воли человек автономен, свободен, суверенен, по призванию он вершит суд.

Библиографический список

1. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. 256 с.
2. Гиренок Ф.И. О двух путях вхождения в числовой порядок // Философия хозяйства. 2020. № 4. С. 53–170.
3. Гиренок Ф.И. Коронавирус: свобода и судьба. Что мы поняли благодаря пандемии?: монография. М.: Проспект, 2021. 80 с.
4. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д.И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с.
5. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Дисформативная идентичность // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 80–91.

6. Ильин В.В. Философия кризиса: самосознание человечества в эпоху катастрофических перемен // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1. С. 3–17.
7. Ильин В.В. Философия кризиса: интонация XXI века – осанна всечеловечности // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 4. С. 238–248.
8. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения): в 3 ч. СПб.: Петрополис, 1999. Ч. 2. 160 с.
9. Солдатова Г.У., Войскуновский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450.
10. Цитаты известных личностей. Авраам Линкольн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.citaty.net/tsitaty/636902-avraam-linkoln-v-nedalekom-budushchem-nastupit-perelom-kotoryi-krai/> (дата обращения: 17.01.2022).
11. Эпштейн М.Н. Судьба (fate) // Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 616 с.
12. Schwab K., Malleret T. COVID-19: the Great Reset. Geneva: Forum Publishing, 2020. 280 p.

FATE AS A NEW DIGITAL ORDER

Е.А. Evstifeeva, G.V. Komarov
Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article expresses the idea that the new digital order, which has accelerated into a pandemic, actualizes the theme of the fate of man and mankind. Rational reasons for concern about the scale of digitalization of human existence are given. The question is raised about the surmountability of digital life orientation, about the authorship of a person to accept fate as a new digital order. The problem of choosing oneself as a new digital order appears as themes of fate.*

Keywords: *anthropological crisis, fate, new digital order, pandemic.*

Об авторах:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. SPIN-код: 8787-2928; e-mail: pif199779@mail.ru

КОМАРОВ Георгий Владимирович – аспирант кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. SPIN-код: 5681-6150; e-mail: pif1997@mail.ru

About the authors:

EVSTIFEEVA Elena Aleksandrovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. SPIN-code: 8787-2928; e-mail: pif199779@mail.ru

KOMAROV Georgy Vladimirovich – Postgraduate Student of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. SPIN-code: 5681-6150; e-mail: pif1997@mail.ru